

Б. И. МАРУШКИН

О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

В последнее время в буржуазных научных кругах Запада распространяется тезис об уменьшении социальной значимости исторической науки в период убыстрившегося темпа развития человечества, обусловленного достижениями научно-технической революции. В 1970 г. один из президентов Американской исторической ассоциации Ч. Вудвард высказал серьезную озабоченность по поводу «будущего прошлого» — судьбы исторической науки в США. Статус американской историографии в шкале академических ценностей неизменно ухудшается, заявил профессор, а ее влияние на общество постепенно снижается. Пытаясь объяснить создавшееся положение, Вудвард ссыпался на безразличное отношение к истории нового поколения, не видящего связи между прошлым и волнующими его проблемами сегодняшнего дня¹. Спустя два года профессор Нью-Йоркского университета Ф. Мэнюэл противопоставил XIX век — «век истории» — веку XX, когда, по его словам, возник вопрос о значимости самой истории, первой среди «интеллектуальных занятий» представшей перед судом «технической цивилизации»².

Но насколько правомерен этот тезис? Можно ли констатировать уменьшение социальной роли историографии в современном буржуазном обществе, атрофию ее политической и идеологической функций?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо проанализировать проблему взаимоотношений исторической науки и общества на Западе. Конечно, данная проблема практически неисчерпаема. Ведь в понятие исторической науки входят самые различные отрасли исследований. В той или иной степени эта проблема затрагивается во многих западных трудах по общим вопросам исторической науки. И в то же время в буржуазной историографии она не подвергается специальному исследованию. Подобное положение объяснимо — выдвигая тезис о «независимости» и «свободе» науки от «социального заказа», буржуазные идеологи тщательно обходят вопрос о политическом и идеологическом контроле буржуазного общества над наукой. Западные ученые предполагают не затрагивать «нервных центров», определяющих действие сложного организма буржуазной историографии.

В рамках журнальной статьи невозможно осветить весь сложный комплекс вопросов, связанных с проблемой взаимодействия исторической науки и общества в капиталистическом мире. Задача автора скромнее — выявить наиболее характерные тенденции в развитии историографического

¹ Ch. Woodward. The Future of the Past. —«The American Historical Review», February 1970, p. 711, 712, 721.

² F. Manuel. Freedom from History and Other Untimely Essays. London, 1972, p. 1—8.

процесса на Западе, особенно тенденции усиления «идеологизации» и «политизации» буржуазной исторической науки. Это поможет ответить и на вопрос о том, растет или уменьшается социальное значение историографии в современном буржуазном мире.

* * *

Общеизвестно, что наука органически связана с судьбой общества, в котором она существует. Взаимосвязь исторической науки, общественных наук в целом, с обществом проявляется особенно четко. Социально-политические процессы определяют в конечном счете основные тенденции развития исторической науки. Вместе с тем и обратное воздействие историографии на духовную жизнь общества весьма значительно. История — одна из древнейших отраслей человеческих знаний — никогда не занимала нейтрального положения в обществе, никогда не существовала вне социальной активности людей.

Признание огромной социальной значимости исторической науки мы можем встретить еще у античных авторов. В их понимании история — учительница жизни, сокровищница человеческого опыта. «Не знать того, что произошло до твоего рождения, — говорил Цицерон, — значит оставаться все время ребенком». «Я считаю главнейшей обязанностью азиатов, — писал Корнелий Тацит, — сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве»³.

Касаясь вопроса о воздействии историографии на общество, приведем высказывание Ф. Энгельса против игнорирования и недооценки роли политических и идеологических факторов в историческом процессе. «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные взгляды и их дальнейшее развитие в систему догм»⁴. «Сознание человека, — писал В. И. Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его»⁵.

Сфера воздействия истории на сознание людей довольно широка и сила этого воздействия весьма эффективна. Напомним, что теория научного коммунизма, преобразующая современный мир, основывается на анализе всего исторического пути, пройденного человечеством. «Учение Маркса, — писал В. И. Ленин, — ...есть освещенное глубоким философским мировоззрением и богатым знанием истории *подытожение опыта*»⁶.

История — это та общественная наука, которая несет в себе конкретную систему доказательств необходимости прогресса развития человечества, закономерности смены социально-экономических формаций. История — важное средство политического и идеологического воспитания масс. Знание прошлого вооружает народные массы в борьбе за национальное и социальное освобождение. Но функция исторической науки не ограничивается лишь воспитанием определенных качеств в общественном сознании. Она включает также борьбу против идеологии, противостоящей данному типу общества социальной организации. Историческая наука — важный участок идеологической борьбы.

³ Корнелий Тацит. Сочинения, т. I. Л., 1969, стр. 109.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 394—395.

⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 194.

⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 29.

Показательно, что вопреки проповедуемому тезису о «независимости» науки от общества в буржуазной историографии имеется немало признаний первостепенной социальной значимости истории. Современный английский историограф А. Марвик подчеркивает: «История — это главная область человеческих знаний». В сферу своего влияния она включает широкий круг людей — не только научных работников, преподавателей, но практически всех, кто занимается «интерпретацией прошлого в применении к настоящему». Поэтому история, по мнению Марвика, носит повсеместный характер. «Мы постоянно обращаемся к ней». Только «при помощи истории общество может себя познать», подчеркивает английский историк. Лишенное истории, оно подобно «человеку, лишенному памяти»⁷.

Повышение социальной значимости, идеологического и политического потенциала исторической науки привело к существенному расширению масштабов исторических исследований. В современном капиталистическом мире происходит процесс «институционализации» исторической науки как важного элемента политической стратегии. Усилиями правительства, «частных» фондов и университетов создан обширный политико-академический комплекс. Размахом исследований, растущей профессионализацией и технической оснащенностью буржуазная историография стремится как бы компенсировать дефекты своей методологии, историческую бесперспективность общества, интересы которого она выражает.

Американский историк Р. Хофтэдтер отмечает возросший в послевоенные годы поток книг, призванных удовлетворить «волчий аппетит» на историческую литературу⁸. В докладе Вудварда годичному собранию Американской исторической ассоциации приведено немало красноречивых данных, характеризующих этот поистине «историографический цунами» в буржуазном мире. В конце 60-х годов, отмечал Вудвард, число опубликованных в США исторических работ в три раза превысило уровень начала 50-х. Ассигнования различных фондов на историографию увеличилось с 1963 г. по 1968 г. в семь раз⁹. Объяснения социально-психологические причины этой активности в области истории, Хофтэдтер писал, что две мировые войны и кризисы экономики «расшатали до основания веру нации в свое будущее... Но если будущее кажется мрачным, прошлое по контрасту выглядит розовее, чем когда-либо». В свою очередь, это «прошлое» используется не для ориентации в настоящем, а в целях восстановления «былой уверенности». «Американская история, развертывающаяся как роскошное и поучительное зрелище, как цепь полностью реализованных надежд, вызывала желание любоваться и наслаждаться, а не анализировать и действовать»¹⁰. Иными словами, интерес к прошлому принял в США характер «эскапизма» — бегства от настоящего.

Такую ключевую отрасль идеологии, как формирование взглядов на историю, лидеры буржуазного общества не упускают из-под своего контроля. Здесь уместно напомнить, что основоположники марксизма-ленинизма уже давно опровергли миф об идеологически нейтральном, надклассовом характере общественных наук. «Ни один живой человек,— писал В. И. Ленин,— не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не горчиться его неудачами»¹¹. Положение того или иного класса общества, его цели, идеология и политика оказывают определяющее влияние и на науку. Внеклассовой науки нет.

Буржуазное общество подвергает усиленной идеологической обработке всех граждан, в том числе и историков. Оно, вместе с тем, стремится

⁷ A. Marwick. *The Nature of History*. London, 1971, p. 12—15.

⁸ R. Hofstadter. *The American Political Tradition*. New York, 1958, p. V.

⁹ Ch. Woodward. Op. cit., p. 716, 717.

¹⁰ R. Hofstadter. Op. cit., p. V.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 547—548.

изменить политические и идеологические установки правящих кругов в историческом исследовании. Господствующие идеологические и политические тенденции служат одновременно и «шарами», и ориентиром для буржуазного ученого. Последний ощущает давление политических и идеологических факторов настолько остро, что не может игнорировать их в своей работе. Однако идеологическое и политическое воздействие буржуазного общества на историческую науку неравномерно. Отсутствие единства буржуазии, борьба между различными группировками монополистов приводит к известной пестроте во взглядах буржуазных историков. «Механизм воздействия» на различные области истории также «срабатывает» по-разному. Наибольшему давлению подвергаются ключевые, связанные с политикой области.

Понимание влияния социальных условий на историческое исследование проявляют и отдельные буржуазные ученые. «Лишь очень самонадеянный человек стал бы утверждать, что историки и социологи могут быть свободны от всех предрассудков и заблуждений, присущих современному им человеку», — отмечает Марвик. Наоборот, они настолько порождение своей эпохи, что «превосходный историк, создавший свои труды в XIX в., гораздо хуже воспринимается читателем, чем посредственный историк, написавший свои работы в XX в.»¹² По мнению западногерманского историка Г. фон дер Дунка, реконструкция прошлого не может быть свободной от принятых в данном обществе ценностей. Историк, признает этот автор, может реконструировать прошлое только в рамках, обусловленных временем, поскольку история и современность взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга¹³.

Об усилении социальной значимости историографии в буржуазном мире свидетельствует процесс возросшей ее политизации. Отмечая не только «погруженность» современной науки на Западе в политические проблемы, но и ее связь с интересами различных групп общества, ее возросшую роль в общественном развитии, американский политолог Д. Хэберер писал, что «из организма...rudimentарными и сравнительно простыми институциональными связями наука превратилась в ведущий социальный институт с огромным контингентом, с четким разделением труда и сложной институциональной структурой... Эти глубокие институциональные изменения переместили науку с периферии в центр современной социальной и политической жизни»¹⁴.

Но было бы упрощением считать, что буржуазная историография является простым «слепком» с государственной доктрины соответствующих стран. Историография представляет собой сложное явление, не менее сложное, чем общество, процессы которого она отражает. Ее развитие и результаты в значительной степени обуславливаются свойственными ей внутренними законами, принятой методологией и методикой исследования. Но мы знаем, что социальный контроль над исторической наукой в буржуазном обществе довольно действен. Каким путем он осуществляется? Как «гарантируется» выполнение социального заказа буржуазной историографией?

По данным на 1970 г. только ассигнования на исследовательскую деятельность составили для Японии 1,4% валового национального продукта, для Великобритании — 2,4%, для США — 3%. В США расходы на науку в 1973 г. достигли 31 млрд. долл., из которых общественные науки получили 6% (около 2 млрд. долл.). Эти данные свидетельствуют о возросшем значении в современную эпоху науки, что не могло не сказаться и на положении ученого в буржуазном обществе. Если доимпериалистическая буржуазия, обладая известной уверенностью в незыблемости

¹² A. Marwick. Op. cit., p. 19, 21.

¹³ H. von der Dunk. Wertfreiheit und Geschichtswissenschaft.—«Historische Zeitschrift», München, Bd. 214, 1972, Hf. 1, S. 10—12.

¹⁴ J. Habegger. Politicalization in Science.—«Science», 17.XI.1972, p. 715.

буржуазного строя, допускала «свободную конкуренцию идей», то в эпоху империализма подобный идеологический либерализм был выброшен за борт, уступив место конформистским тенденциям в науке и идеологии.

Важной формой контроля буржуазного общества над историографией явилась сама система организации исторической (как, впрочем, и любой другой) науки на Западе. Буржуазный профессиональный историк работает, как правило, в обширной исследовательской и учебной системе, и его материальное благополучие, карьера, уверенность в будущем зависят от взаимоотношений с ней. Самостоятельное, независимое исследование в существующих условиях иллюзорно; кроме значительных материальных затрат оно требует ряда благоприятных условий для изучения источников. Необходимо иметь также в виду, что западная академическая система при внешних признаках демократичности обнаруживает устойчивую тенденцию к кастовости. В этой системе существуют неписанные, но определяющие правила, сводящиеся к соблюдению некоего научного канона, что, как писал профессор философии и социологии Калифорнийского университета (Беркли) Л. Фейер, неизбежно ведет к бесплодию, рутине и застою¹⁵.

Касаясь позиции реакционной историографии, уместно привести слова В. И. Ленина: «Общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху»¹⁶.

Важным инструментом контроля над исторической наукой является политика ассигнований на научные нужды, принятая на Западе. В США это так называемые фонды, о которых американский историк А. Шлезингер (младший) писал, что они «предпочитают субсидировать те проекты, которые дают ответы на специфические современные проблемы», не принимая во внимание «задачи исторической науки и ее значения для культуры»¹⁷. По отношению к исторической науке фонды занимают положение не просто меценатов, а меценатов-контролеров, далеко не нейтральных в чисто, казалось бы, научных вопросах.

Показательно, что фонды стремятся влиять и на выбор метода исследования. По свидетельству гарвардского профессора А. Улэма, за последние годы «фонды проявляют все большую склонность осыпать своими щедростями те отрасли, где процветает бихевиоризм (наука о поведении.—Б. М.)» и «многие молодые специалисты по общественным наукам (особенно социологии) не выдерживают оказываемого на них давления и переходят в лагерь бихевиористов». Как сообщал журнал «The Slavic Review», фонд Карнеги выделил специально средства на развитие модного на Западе «сравнительного метода изучения коммунизма»¹⁸.

Характерной чертой существующего положения в буржуазной исторической науке является процесс сращивания исследовательских организаций и самих исследователей с государственным аппаратом. В целом это общее явление «огосударствливания» науки на Западе, где происходит своеобразный процесс «институционализации» науки как одной из важных отраслей государственной деятельности. Наука прямо представлена в правительственный аппарате, ученые непрерывно привлекаются для различных консультаций, экспертиз и т. д. Нет никакого сомнения в том, пишет профессор Вандербилтского университета А. Лейзерсон, исследовавший данный вопрос, что термин «государственная наука» является наиболее подходящим для определения существующего положения ве-

¹⁵ L. Feier. American Phylosophy Is Dead.—«The New York Times Magazine», 24.IV.1966, p. 31.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 364.

¹⁷ «The American Historical Review», April 1958, p. 830.

¹⁸ «The Slavic Review», December 1967, p. 657.

Французский социолог Ж. Ж. Саломон даже вводит в этой связи понятие «технонатюр», под которым подразумевается область, где интересы и отношения буржуазных ученых неизбежно связаны с господствующей властью, где они ответственны за потребности власти и зависят от ее целей²⁰.

Говоря о взаимоотношениях между учеными и правительством в США, американский историк и политолог Г. Моргентау подчеркивал, что ученый и политик в американском обществе живут хотя и в связанных между собой, но противостоящих друг другу мирах. «Будущий историк... — отмечает Моргентау, — еще напишет историю всеобъемлющих, систематических и в основном успешных усилий [американского] правительства, направленных на подавление правды в интересах политики»²¹.

Правящими кругами США широко применяются методы морального воздействия на ученых. Правительство президента Джонсона, например, активно использовало эти приемы для умиротворения университетской профессуры и студентов, протестовавших против агрессии США во Вьетнаме. С помощью апелляции к «патриотизму» правящая элита пыталась контролировать результаты исследовательской деятельности историка. В распоряжении буржуазного правительства имеется, кроме того, целый набор профессиональных и социальных поощрений, назначения на посты советников, экспертов и т. д. От правительства же исходят и выгодные контракты, а ученый, работающий по таким контрактам, как справедливо замечает Моргентау, «мало склонен подвергать сомнению основы политики правительства»²².

Социальный контроль над исторической наукой включает не только средства поощрения за «послушание», но и санкции против строптивых. В период разгула маккартизма отдельные ученые, придерживавшиеся независимых взглядов, были уволены со службы, занесены в «черные списки». Но хотя маккартизм ушел в прошлое, ряд его методов сохранился. Характерно, что еще в декабре 1964 г. на годичном заседании Американской исторической ассоциации была принята декларация «о свободе науки», где отмечалось, что в США имеются «отдельные лица и группы, которые периодически нападают на преподавателей истории и общественных наук, на учебники и другие учебные пособия на том основании, что они якобы подрывают американский образ жизни», что «эти нападки зачастую принимают форму безответственных и злобных обвинений, наносящих ущерб репутации учителей и авторов учебных пособий», и, наконец, приводят «в ряде случаев к увольнению компетентных преподавателей и изъятию полезных материалов»²³.

В свое время под воздействием атмосферы «холодной войны» усилилась тенденция отбросить «старомодный идеал» некоторой части буржуазных историков прошлых времен: беспристрастие. В разгар «холодной войны» один из президентов Американской ассоциации К. Рид подчеркивал: «Атомные бомбы требуют быстрых решений. Либерально-нейтралистская позиция... нас уже не удовлетворяет». Наблюдая процесс эволюции исторической науки в США в период «холодной войны», профессор Калифорнийского университета Дж. Хикс заметил: «Техника написания истории значительно изменилась за последнее время... Историку совсем не нужно надевать личину беспристрастности — чувства, которое он, вероятно, не может испытывать»²⁴. Любопытна полемика по этому вопросу между А. Шлезингером (младшим) и У. Липшманом.

²⁰ A. Leiserson. Scientists and the Policy Process.—«American Political Science Review», June 1965, p. 413—415.

²¹ J. J. Salomon (Ed.). L'engagement social du scientifique. Montréal, 1971.

²² Ibid., p. 11.

²³ «The American Historical Review», April 1965, p. 972—973.

²⁴ «The American Historical Review», October 1957, p. 156—157.

В ответ на призыв последнего к беспристрастности Шлезингер с недоумением воскликнул: «Беспристрастный ум? — ...Я пишу, как человек, который после многих лет писания истории недавно имел возможность наблюдать, как делается история» (Шлезингер в тот период был личным советником президента Дж. Кеннеди). «Беспристрастный ум — это идеал, а не реальность»²⁵.

Если в «конформистский» период развития буржуазной историографии «пристрастность» выражалась в основном как апологетическое комментирование официозных тезисов, то ныне возникли другие тенденции. Конкретно в исторической науке они выразились по-разному. В США они проявились в так называемом бунте «новых левых», в их выступлениях в традиционных организациях американской исторической науки и в весьма энергичных, но пока безуспешных попытках захватить господствующие позиции в американской историографии. В исследовательском плане новые тенденции выразились в различного рода ревизионистских направлениях (в основном по проблеме внешней политики периода «холодной войны»), а также в выдвижении новых объектов исследований, в частности роли интеллигенции во всемирной истории, в создании различных социологических концепций, вроде так называемой теории меритократии (власть достойных). Руководствуясь вновь «открытой» американским экономистом Гэлбрейтом старой формулой, что «знания есть сила», «новое сословие» ученых и педагогов ныне в гораздо меньшей степени склонно единодушно поддерживать официальные концепции.

Под влиянием происходящих в международных отношениях положительных изменений в буржуазной историографии возникает ряд явлений, заслуживающих внимания. В ней на смену набившим осколину постулатам периода «холодной войны» пришло многообразие (плуралистичность) направлений, «школ», концепций. Их появление не снижает активности реакционных направлений, опирающихся на влиятельные круги господствующих классов. И все же под воздействием международной разрядки произошла фактическая девальвация антикоммунизма, дискредитация наиболее откровенных антикоммунистических исторических концепций. Директор американского Института политических исследований Р. Барнетт заявляет, например, что сейчас в США «определенное число советологов потеряло значительную долю доверия, так как их анализ динамики процессов развития советской внешней политики отвергается в настоящее время самим правительством»²⁶.

В противовес представителям «догматической школы», укрепившейся в период жесткой конфронтации и пытающейся отстоять свои исторические взгляды и оценки, в западной историографии все больше усиливается реалистическое направление, важным элементом которого является критический подход к некоторым существующим представлениям, значительно возросшее признание необратимости происходящих в мире перемен. Следует в этой связи упомянуть о направлении, созданном профессором Висконсинского университета В. Вильямсом. Представители этого направления, известные специалисты по истории международных отношений (Д. Флеминг, Г. Алпровиц, Г. Колко и др.), уже давно критиковали политику «холодной войны», выступали за оздоровление международной атмосферы.

Позитивным моментом в исследованиях историков реалистического направления является признание важности принципа мирного сосуществования в отношениях между странами с различными системами. Так, профессор Гарвардского университета М. Шульман пишет о наступлении нового этапа в международных отношениях, о появлении возможности исключить применение силы из практики международных отношений.

²⁵ A. Schlesinger. The Historian and History.—«Foreign Affairs», April 1963, p. 491.

²⁶ См. «США. Экономика, политика, идеология», 1973, № 4, стр. 74.

Шульман отмечает также наличие условий для сотрудничества между СССР и США в области экономики и политики²⁷. Профессор Института международных исследований в Женеве Л. Халле приходит к выводу, что время общих войн с участием великих держав ушло в прошлое²⁸. Этот вывод весьма важен, если учесть существование в буржуазной историографии милитаристского крыла, в течение длительного времени утверждавшего, что войны-де «присущи человеческому характеру».

Важно отметить также, что в отличие от периода «холодной войны», когда в буржуазной историографии всячески склонялся тезис об «отсталости» социализма, ныне многие ее представители признают огромное значение для всего мирового развития успехов нашей страны, других стран социалистического содружества. В вышедшей одновременно в Англии и США книге профессора Джорджа Таунсона университета Т. Гэйджа отмечаются «большие экономические достижения» СССР, «значительный подъем жизненного уровня и научный прогресс, происшедшие за годы Советской власти»²⁹. «Влияние Советского Союза на международное положение,— подчеркивает американский историк С. Кон,— один из величайших процессов середины XX столетия... В наш век советская система и ее модель развития представляют единственно серьезную альтернативу для тех, кто находился под воздействием западной рыночной экономики последние два столетия»³⁰.

Характерен также интерес в современной исторической науке на Западе к проблемам, которыми раньше пренебрегали либо занимались недостаточно: общественные движения, революции. Возникновение в американской историографии в противовес концепции «согласия» «конфликтной» теории отразило определенные сдвиги в понимании прошлого США, до недавнего времени интерпретируемого в плане «консенсуса» интересов различных общественных слоев. Отметим такое явление, как усиление критики американских традиционных порядков и институтов, пересмотр оценки «золотого века» американской демократии («джексонианской демократии»).

Весьма показательно для современного положения исторической науки на Западе и появление ряда работ о социальной ответственности историков. В качестве примера можно привести защищенную недавно в Мюнхенском университете диссертацию Х. Вайсца, посвященную историческим взглядам и политической мысли мюнхенских историков в период Веймарской республики³¹. Вайсц задается целью выяснить, какие факторы привели к тому, что германские историки не смогли найти противоядие растленным идеям нацизма. В итоге он приходит к выводу, что капитуляция университетов перед нацизмом была подготовлена рядом социально-идеологических факторов, в частности теми историко-политическими концепциями, которые появились в Германии еще в XIX в. В этой связи в буржуазной историографии ныне отмечается, что тезис о нейтральности науки уходит в прошлое. На оптимистический стереотип, согласно которому цивилизация всем обязана науке, упала, подчеркивает Саломон, тень Хиросимы.

Но наблюдаемый в последнее время в западной историографии плuralizm направлений никак не является показателем какой-то абсолютной «свободы науки», ее ничем не стесняемой независимости от общества. При всей широте спектра буржуазной «плуралистической историографии» он укладывается в рамки буржуазного восприятия исто-

²⁷ M. Schulman. Toward a Western Philosophy of Coexistence.—«Foreign Affairs», October 1973, p. 35—58.

²⁸ L. Halle. Does War Have a Future?—«Foreign Affairs», October 1973, p. 20—39.

²⁹ T. Geiger. The Fortunes of the West. London—Bloomington, 1973, p. 63.

³⁰ S. Cohen. Economic Development in the Soviet Union. Lexington (Mass.), 1970, p. XI.

³¹ H. Weisz. Geschichtsaussassung und politisches Denken Münchener Historiker der Weimarer Zeit. Bohn, 1970.

рического процесса, буржуазной методологии истории. По словам Г.-В. Хедингера, усилия «любителей бескорыстного изучения прошлого» обычно ориентированы на консервацию существующего порядка³².

* * *

Влияние «механизмов контроля» буржуазного общества над историографией составляет важную сторону в процессе взаимодействия буржуазного общества и истории. Другая сторона заключается в обратном влиянии истории на это общество, его идеологию и политику. Такое воздействие обусловливается особыми общественными функциями, присущими исторической науке и играющим важную роль в духовной жизни общества.

Буржуазная историография весьма активно выполняет свою идеологическую функцию, стремясь воздействовать на максимально широкие круги населения. «Теперь уже не достаточно рассчитывать на профессионалов,— подчеркивал профессор Калифорнийского университета Дж. Хикс.— Современный историк ищет более широкой аудитории, он должен знать, какое влияние могут оказать его исследования на настоящее и будущее»³³.

Отсюда такое явление, как более широкая и интенсивная, чем раньше, «политизация» историографии. «История есть и будет в высшей степени политическим искусством и наукой»,— подчеркивал американский историк Ф. Ловенгейм в издании, посвященном взаимоотношениям историографии и политики³⁴. Практические нужды политики, развивает эту же мысль американский историк Л. Мортон, привели к возникновению в США «сильной тенденции ориентировать ученых на решение текущих проблем и использовать результаты науки для поддержки политики».

Характерной чертой политизации исторической науки на Западе является ее тяготение к изучению исторических периодов, максимально приближенных к современности, к выбору проблем, отвечающих «злобе дня». Шлезингер пишет, что ныне «лишь немногие колледжи поколебались бы предложить курсы истории, открывающиеся второй мировой войной и заканчивающиеся вчерашней газетой»³⁵. Он объясняет эту тенденцию тем, что уход в далекое прошлое свидетельствует не о стремлении к объективности, а о боязни, что здравствующие очевидцы не очень давних событий уличат исследователя во лжи. Он пишет, что ускорение темпа изменений в современном мире и возрастающее массовое желание как можно полнее знать о происходящих в мире изменениях побуждают историков обратить более благосклонный взгляд на текущую историю. Со своей стороны, один из президентов Американской исторической ассоциации К. Брайден сетовал на то, что история отдаленных эпох не увлекает студентов. Брайдену не удалось заинтересовать своих учеников даже такими, казалось бы, недавними событиями, как «великая депрессия» (т. е. экономический кризис 1929—1933 гг. в США), хотя он в своих лекциях исчерпал (по его собственным словам) все приемы красноречия³⁶.

Потребности буржуазной идеологии и политики диктуют усиление внимания к современной тематике, так как именно по проблемам современности развивается наиболее острая идеологическая и политическая борьба. В соответствии с этим требованием момента вносились корректировки и в деятельность исследовательских центров и издательств на Западе.

³² H.-W. Hedinger. Theorienpluralismus in der Geschichtswissenschaft.—«Der Methoden und Theorienpluralismus in der Wissenschaften». Meisenheim, 1971.

³³ «The American Historical Review», October 1957, p. 156—157.

³⁴ F. Loewenheim (Ed.). The Historian and the Diplomat. New York, 1967.

³⁵ A. Schlesinger. On the Writing of Contemporary History.—«Atlantic», March 1967, p. 69.

³⁶ «The American Historical Review», January 1963.

Помогает ли изучение истории «делать» историю? На этот вопрос у буржуазной историографии нет ясного ответа. Среди ее представителей весьма распространено мнение, что история бесполезна для практики. Политическая история не имеет никакой «практической или дидактической ценности», — утверждает Т. Довринг³⁷.

В противоположность этому марксизм-ленинизм не только признает научную и практическую ценность опыта прошлого, но и считает освоение истории одной из основ своей теории и практики. «Весь дух марксизма, — подчеркивал В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»³⁸. Нельзя творить историю, не зная и не понимая истории. Любое современное общественное явление уходит своими корнями в прошлое и не может быть полностью постигнуто без рассмотрения его развития, т. е. его истории. В. И. Ленин по этому поводу говорил, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³⁹.

Общественные науки не могут развиваться в стороне от практики. Но связь с реакционной буржуазной политикой губит историю как науку, так как действительная потребность отживающих реакционных сил — не познание объективной истины, а извращение объективных представлений об окружающей действительности. Связь между борьбой прогрессивных классов и историей — важное условие развития истории как науки, потому что прогрессивные, восходящие классы заинтересованы в познании истины, их интересы не противоречат объективному ходу общественного развития. В эпоху социалистических революций таким классом является рабочий класс.

По словам Ф. Энгельса, человечество, переходя к коммунизму, совершает скачок из царства необходимости в царство свободы⁴⁰. Свобода становится реальной постольку, поскольку люди, свободно выбирая свои действия, предвидят необходимые их последствия, поскольку они овладевают научным знанием общественных явлений и закономерностей, поскольку руководствуются этими знаниями в планировании всех сторон жизни общества. Марксизм-ленинизм исходит из тесного единства теории и практики.

Известно, что В. И. Ленин неизменно прибегал к проверке тех или иных теоретических положений опытом прошлого, уроками мировой истории, пролетарского движения в России. «История вообще, история революций в частности, — писал он, — всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов»⁴¹. Историческая наука наряду с другими общественными науками создает возможности для разработки научных основ руководства общественной жизнью, для выработки научно обоснованной политики.

Выступая за тесную связь теории с практикой, марксизм-ленинизм вместе с тем отвергает формулу, будто история есть политика, опрокинутая в прошлое. Так ориентируемая историческая наука ничем не может помочь обществу в разработке научно обоснованной политики. Она становится служанкой непрерывно меняющихся политических установок и в этом качестве лишь наносит ущерб и теории, и практике. Марк-

³⁷ T. D o u r i n g. History as a Social Science. The Hague, 1960, p. 89.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

⁴⁰ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1967, стр. 288.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 80.

систско-ленинская методология исходит из строгой научной объективности. «Человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки... а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами. — подчеркивал К. Маркс, — такого человека я называю «низким»⁴². В «Письмах о тактике» В. И. Ленин указывал: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики»⁴³.

Важное практическое значение истории состоит, следовательно, в том, что история является аккумулятором человеческого опыта. Любая проблема современности не может быть удовлетворительно решена без учета имеющегося опыта. Забвение истории, концентрированного опыта прошлого, в ней воплощенного, игнорирование исторической обусловленности явлений современной жизни вместе с другими причинами порождают субъективизм и волюнтаризм в решении практических вопросов современности.

Вместе с тем знание прошлого, основных тенденций развития дает возможность принимать во внимание не только то, что кажется важным в настоящий момент, но и то, что может стать важным в будущем. Изучая прошлое, можно делать научный прогноз относительно тенденций развития процессов. Марксистско-ленинская методология истории ставит своей задачей выяснение общих законов развития человечества, дающих возможность предвидеть его будущее развитие. Определяя роль истории в научном прогнозировании, необходимо сразу же оговорить, что прогнозирование не означает предугадывания событий в их конкретных проявлениях. Метод прогнозирования предполагает прежде всего установление существующих фактов, их оценки, осмысливания и т. п. Он предполагает также знакомство с действием механизма причинности. Прогнозирование базируется на знании прошлого, зависит от установленных закономерностей исторического развития. Прогнозирование — это «конструирование будущего при помощи прошлого».

Следует подчеркнуть, что понятие прошлого весьма относительно: то, что для одного народа является уже канувшим в Лету, для другого, стоящего на ином уровне развития, может быть только настоящим или даже будущим. Существует повторяемость исторических явлений, общественно-экономических формаций в различных странах. Эту мысль развивал В. И. Ленин, подчеркивая, что Великая Октябрьская социалистическая революция имеет международное значение в широком смысле слова, оказывая влияние на ход мировой истории, и в узком смысле, — показывая неизбежность повторения своих существенных черт в других странах, когда там совершился социалистическая революция⁴⁴.

Огромные практические возможности исторической науки не остаются без внимания западных ученых. Шлезингер подчеркивает «полезность изучения истории для делания истории», обращает внимание буржуазных политических деятелей на необходимость «обладать знанием истории, знанием общих тенденций, чувством направления, в котором движется мир». Каждый из них должен, по его мнению, иметь свою собственную концепцию исторического процесса⁴⁵. Важность обращения к «живому чувству истории» при решении политических проблем отмечал американский автор К. Томпсон⁴⁶.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 125.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.

⁴⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 3, 4.

⁴⁵ А. Schlesinger. The Historian and History. p. 496—497.

⁴⁶ K. Thompson. Political Realism and the Crisis of World Politics. Princeton, 1960, p. 6.

Сугубо практическая потребность в информации и ее анализе сыграла значительную роль в наблюдаемой активизации исследовательской работы буржуазных ученых в области истории. Почему ныне в США придается особое значение изучению других стран? — задавал вопрос американский историк Ф. Мозли. Одна из причин заключается в том, отвечал он, что «мы легко делаем ошибки», судя о других по себе, используя «наш собственный» (т. е. американский) опыт и взгляды, когда пытаемся понять народы «чужих культур». «Если мы хотим, чтобы у нас была реалистическая политика по отношению к другим странам, мы не можем позволить себе игнорировать эти различия культур»⁴⁷. «Региональные исследования являются первым ясным признанием... того простого факта, что народы отличаются друг от друга», — писал М. Банди, отмечая связь между этими «региональными исследованиями» и процессом разработки официальной политики⁴⁸.

Буржуазные деятели старой политической школы скептически воспринимают это вторжение ученых в некогда запретную для них зону. Р. Хилсмен утверждает: «При анализе внешнеполитических взглядов, требующих принятия решений, никакая научная подготовка не поможет — здесь нужен опыт. Джордж Кеннан, например, лучше разбирается в значении происходящих событий, чем любой информированный работник службы разведки. В чем между ними различие? А различие в том, что один привык иметь дело только с реальной жизнью, а другой с библиотеками»⁴⁹. Характерно, что авторы коллективной работы «Историк и дипломат (Роль истории и историков в американской внешней политике)» выражают сомнение относительно возможности и способности историков оказывать влияние на внешнеполитическую деятельность государства. К тому же, как заявлял редактор тома Ф. Ловенгейм, многие западные труды по дипломатической истории полны такой «серьезной интеллектуальной путаницы», что следует лишь опасаться их воздействия на политику⁵⁰.

Но существует и противоположное мнение. По мнению Банди, университеты должны активно заняться политическими проблемами. В связи с этим он особенно подчеркивал роль истории: «Историческая наука, занятая исследованием целей и методов использования политической монополии, является наукой, к которой, естественно, будут обращаться политики и дипломаты, когда им будет нужен совет»⁵¹. История привлекает внимание и буржуазных политиков-практиков, ищущих в прошлом аналогии современным процессам.

* * *

Итак, взаимодействие между буржуазной исторической наукой и капиталистическим обществом проявляется в весьма разнообразных формах. Приведенные факты свидетельствуют, что идеологическое и политическое значение историографии в буржуазном обществе отнюдь не уменьшается, как это пытаются представить некоторые западные историки. Наоборот, процесс ее «политизации» усиливается. Все обнаженное предстает классовая роль буржуазной исторической науки, несмотря на то, что многие ее представители по-прежнему пытаются прикрывать свою тенденциозность заявлениями о стремлении «беспристрастно» и «объективно» изучать историю.

⁴⁷ Ph. Moseley. Communism: Its Implications for Higher Education.—«Higher Education in a World of Conflict». Athens (Georgia), 1962, p. 139.

⁴⁸ «The Dimensions of Diplomacy». Baltimore, 1964, p. 3.

⁴⁹ Р. Хилсмен. Стратегическая разведка и политические решения. М., 1957, стр. 54.

⁵⁰ F. Leewenheim (Ed.). Op. cit., p. VIII, 99, 106, 138.

⁵¹ «The Dimensions of Diplomacy», p. 9.